ЦЕНА НОМЕРА 40 КОП.
№ 5 МОСКВА, ФЕВРАЛЬ 1935
ИЗД. ГАЗ. „ПРАВДА“

КРОКОДИЛ

КОРОТКО И ЯСНО

— Рапортуем: в пути никаких происшествий не было. Кроме одного — побития мирового рекорда.

Рис. Л. Бродаты

Рис. Л. Генча

ТЯЖЕЛЫЕ ТРУДОДНИ

— Трудностей у нас, действительно, не мало: перетащить все это, думаешь, легко было?

ЛОЖЬ МИСТЕРА ТОМСОНА

С чувством искреннего восторга перед многогранностью инициативы американского обывателя приводим следующую подлинную выдержку из американской газеты «Ньюс Кроникл»:

«Клуб лжецов» в городе Берлингтоне (штат Висконсин), ежегодно присуждающий премию за лучшую ложь, рассмотрел заявки как от местных членов клуба, так и от иностранных, и выдал ценную премию в этом году за следующую ложь:

«Однажды я охотился верхом на муле, которого я обучил выслеживать кроликов. В погоне за кроликом мы приблизились к пропасти, глубиной в 1000 футов. Кролик бежал быстро и провалился в пропасть. Мой мул был прекрасно обучен и, не раздумывая ни минуты, он бросился за кроликом. Я находился верхом на нем. Я растерялся. Но находясь в десяти футах от дна пропасти, опомнился и закричал: «Остановись!» Прекрасно обученный мул остановился налету, как вкопанный. Я сошел с него и легонько пролетел остающиеся несколько футов».

Не высокий, прямо скажем, полет фантазии у почтенных граждан города Берлингтона.

Говорят, однако, что один по-настоящему яркий момент одинокой звездой просиял на сером и скучном фоне конкурса лжецов. Это был рассказ некоего мистера Томсона.

«Я проживаю, — сказал мистер Томсон, — на улице Авраама Линкольна, в доме № 72. Третьего дня я услышал страшный грохот в соседней квартире. В то же самое мгновение я увидел, как из окна этой квартиры вылетел на улицу, как ядро из пушки, Джекки Флемингтон, старший сын моей соседки.

— В чем дело, Джекки? — спросил я, подымая его с мостовой. И не мог добиться у него ответа битых полчаса.

Оказалось, что, отчаявшись получить работу и твердо решив покончить жизнь самоубийством, он улучил момент, когда никого не было дома, законопатил двери и окна и открыл газовый рожок.

И понимаете, лэди и джентльмены, перед смертью ему вдруг захотелось покурить. Он зажег спичку, газ вспыхнул, произошел взрыв, силой взрыва он был выброшен на улицу и спасся таким образом от верной смерти».

— Складно придумано,—сказал председатель жюри конкурса лжецов,—но ничего сверхэкстраординарного в этой лжи нет...

«Так вот, лэди и джентльмены, — невозмутимо продолжал мистер Томсон, не обращая внимания на бестактное заявление председателя жюри,—нужно сказать, что спасение пришло как нельзя во-время. Я едва успел привести в чувство неудачливого самоубийцу, как на дворе появился всеми нами уважаемый мистер Клопинс, директор кожевенной фабрики, и спросил у недавнего кандидата на царство небесное: «Вы, кажется, здоровы, молодой человек?» «Здоров», — ответил тот. «И вы искренне хотите работать?». «Да, сэр»,— ответил тот. «Хорошо,—сказал мистер Клопинс,—я беру вас на работу. В городе страшно нехватает рабочих рук. Может быть, у вас есть знакомые, нуждающиеся в работе?» «Конечно, сэр», — сказал тот. «Немедленно шлите их ко мне на фабрику».

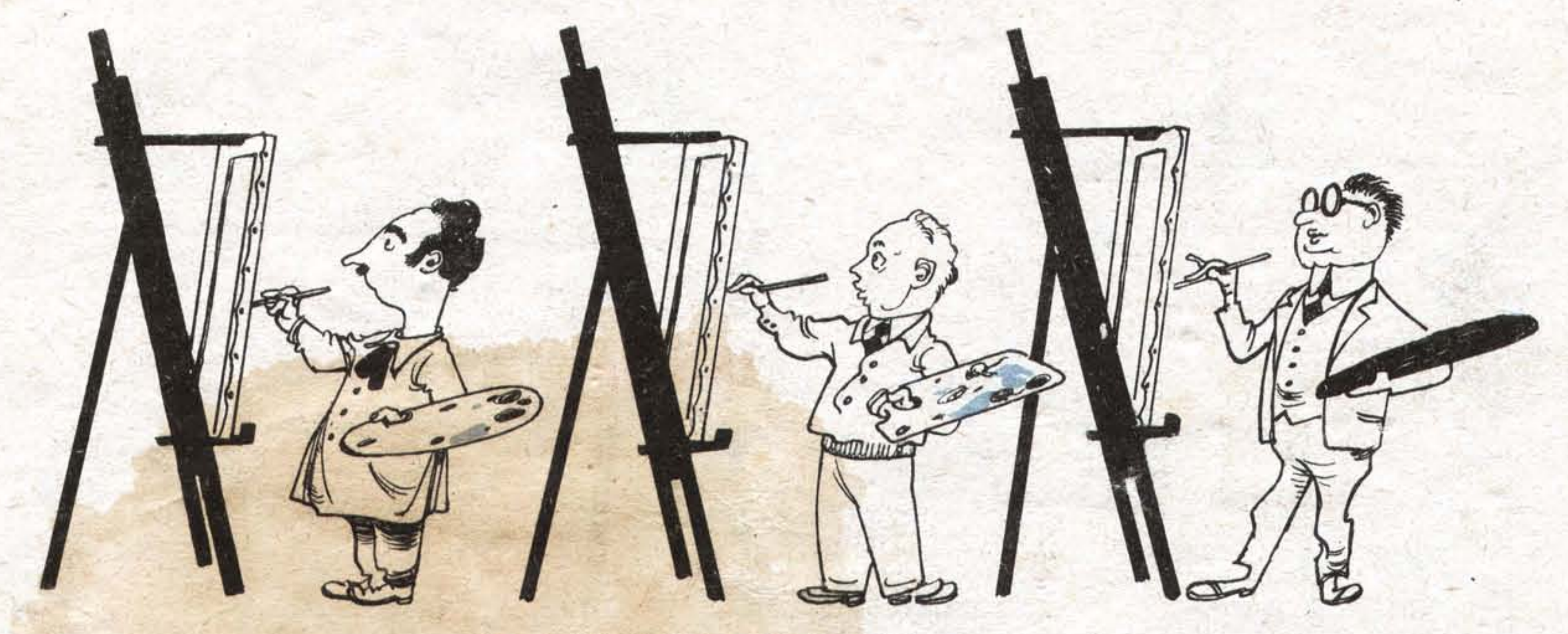
И когда счастливый самоубийца побежал собирать своих товарищей, господин директор с таинственной улыбкой сообщил мне, что во всей Америке ликвидирована безработица и совершенно невозможно найти незанятых рабочих. Прямо хоть закрывай фабрику».

— Ну, знаете ли,—сказал, разводя руками, председатель жюри,— всяких лжецов слышал, сам не последний врун в нашем штате, но такой наглой лжи я никогда за последние десять лет не слышал...

Мистер Томсон премии все-таки не получил, потому что он затронул политический вопрос, а тут у него, в Америке, было достаточно много серьезных конкурентов и среди журналистов, банкиров и среди политических деятелей и т. д.

И. БУШУЕВ

Рис. М. Храпковского

ЧТО ИНОГДА ПИШУТ ХУДОЖНИКИ

(См. на обороте)

КНИГОЛЮБЫ

— Знаете, что мне в вашей комнате больше всего нравится? — серьезно спросил Запекалин. — Это ваш книжный шкап. Книги!

Мелкоедов благодарно наклонил голову.

— Эти вот корешки, — продолжал Запекалин. — Эти вот буквы. Каждая мелочь выдает любовь культурного человека к книге.

— Вы на моего Вальтер Скота смотрите?

— На Брет-Гарта, — кивнул Запекалин, склоняя к себе корешок английской щегольской книжки. — Вы читаете по-английски? — с приятным удивлением спросил он.

— Нет, — скромно сознался Мелкоедов. — Но вы возьмитесь за переплет, кожу! И вы почувствуете, как человек — это чудесное собирательное — любит книгу. Она ему дорога, как ребенок.

— Дороже ребенка! — Запекалин поставил на место книжку.

— Дороже! — сказал Мелкоедов. — В ребенке есть грубость. Моему Мише 3 года, а что он вам сказал, когда вы дали ему поиграть палку: «А что — этой да палкой»... Как это?

— «А сто — этой да палкой, да вам, зуликам, да по молде!» — комически передразнил Запекалин и весело рассмеялся.

— От книги вы этого не услышите, — твердо сказал Мелкоедов. — И потому вам так больно, когда какой-нибудь негодяй, — кроткое лицо Мелкоедова неожиданно вспыхнуло, — да, негодяй! — берет у вас вашу книгу. Не с тем, чтобы ее просто прочесть, а похитить. Разрознить подобранного автора. Оставить вам вашего Толстого, вашего Лескова плешивым, на костылях, без почки.

— Не говорите! — Запекалина передернуло. — Это книжное воровство для меня, для меня — вот! В нем столько грубости, столько непонимания прекрасной интеллектуальной привязанности...

— Оставьте! — махнул рукой Мелкоедов. — Они понимают! Они, эти книжные подлецы, знают.

Мелкоедов сорвал со стола маленькую пузатую книжку и подскочил к шкапу:

— Вот вам! «Хаджи-Мурат» — нравится?!

Он показал на стройный, высокий корешок «Анны Карениной» с блестящими буквами «Ф. Ж.».

— Ну куда я с ней рядом этого карапуза поставлю? Ведь он ей до плеча не дотянет.

Запекалин взял книжку.

— А что прикажете делать! Какой-то мерзавец, сукин сын, книжный вор — позабыл кто — взял моего «Мурата». «Почитать»!. Спасибо, что и такого потом нашел. Загажено чьей-то подписью. — на обороте увидите.

Запекалину не было надобности смотреть, так как книга принадлежала ему, а на обороте стояла подпись его приятеля Вешкина. Запекалин взял эту книгу у Вешкина, чтобы ее прочесть, но книжечка прижилась, а потом куда-то исчезла. Однако на ее месте — Запекалин не помнил как — появился «Хаджи-Мурат», но уже другой внешности: в переплете, как у этой мелкоедовской «Анны Карениной», и вероятно с такой же печатью впереди текста — «Библиотека В. Г. Прибыльского».

По отношению к Мелкоедову Запекалин был совершенно чист, и потому слова «мерзавец и книжный вор» его мало тронули. Более того, сам Мелкоедов взял у него прочесть две или три книжки, в частности Шолохова, стоявшего в полном составе на третьей полке.

— Знатный у вас Шолохов! — одобрительно проговорил он и протянул пару-другую книжек. — И очень умно, что все переплеты разные. У молодого писателя одинаковый переплет — застой, у старика — форма... Ба-а! — с радостным изумлением протянул он: — «Тихий Дон»!. Вот хорошо, что он у вас. А я-то все думал: какая же это сво...

— Не может быть! — Мелкоедов схватил себя за голову. — Вот забыл.

Он посмотрел вокруг не верящим в вещи взглядом.

— Да что вы, что вы! — замахал на него руками Запекалин. — Держите себе, пожалуйста. Хоть год, хоть два года. В таком окружении, у такого любителя...

— Ну, что вы на это скажете! — совсем из головы вон. — Мелкоедов простецки засмеялся. — Позвольте, — делаясь вдруг серьезным, проговорил он. — А у меня ведь еще одна ваша книжка. Нет, виноват, две! И обе с одной надписью «Я. Бромберг»... Это не тот, которого я у вас на прошлой неделе встретил? Доверчивое лицо?

— Доверчивое, не доверчивое, — уклончиво сказал Запекалин, — а он у меня пару «Красных новей» зажилил. Позвольте! — да он ведь с вашим знакомым в одном учреждении работает. С тем, как его; ну вот его фамилия еще на ваших «Брусках» написана. Или на Алексее Толстом.

— На Толстом? — нахмурившись переспросил Мелкоедов. — Может быть, Шишкин? Зеленый? Балкин? — Он стал перебирать книжки. — Незванцев?

— А бросьте, — брезгливо остановил его Запекалин. — Все эти господа, вы меня извините, только в конце концов книгу портят. Возьмет ее такой суб'ект, купит, а потом еще и свою подпись проставит: пусть, мол, она порядочному человеку глаза мозолит. Не знаю я, как у вас, а у меня от этих фамилий такое чувство: будто бы это мое любимое существо кто-нибудь трогал.

— Играл его локонами, — сочувственно добавил Мелкоедов. — А вместе с тем, странно! — Он беспомощно улыбнулся. — У меня как-то рука не поднимается: взять бы да зачеркнуть этакую фамилию. А все на что-то надеешься: вот человек придет! Вот человек вспомнит! Ведь это же была его книга! Частица его я! Кусочек самого главного!

В дверях показался Миша. В руках у него все еще находилась солидная тросточка Запекалина.

— Что тебе мальчик? — с ласковым нетерпением спросил его Мелкоедов.

Мальчик посмотрел на обоих мужчин испытующим взором и приоткрыл рот.

— А сто, — сосредоточенно начал он, — этой да палкой, да вам...

— Знаем, мой мальчик, знаем, — приветливо кивнул ему Мелкоедов. — Иди, сыночек, иди.

— ... да вам, зуликам, да по молде! — пунктуально закончил ребенок. Он показал палку.

Мужчины натянуто засмеялись.

ГЕОРГИЙ ЛАНДАУ

ЧТО ИНОГДА ПИШУТ ХУДОЖНИКИ

ДЕВУШКА ИЗ МЕТРО

Наташа была очень хорошенькая девушка, легкая и веселая, как зяблик. Глаза у нее были разные: один голубой, другой серый, в черную крапинку. Ее так и звали — разноглазка.

Бывало, бежит Наташа по коридору отеля в белом передничке, головка завитая, ноготки в маникюре, каблучками постукивает, — залюбуешься!

Иностранцы, и те обращали внимание. Господин Шульман из 19-го номера, толстый, на макушке лысинка лососиньего цвета, предлагал Наташе законный брак с от'ездом в Берлин. Сопел, лез целоваться и, путаясь в трудных русских словах, прельщал.

— Ми будем жить, как цвей... голюбчики!

Наташа над немцем посмеивалась, хотя ей и льстило его ухаживание.

Однажды Наташу вызвали в райком комсомола. Паренек в зеленой гимнастерке сказал ей просто:

— Калачева? Из «Бристоля»? Ты мобилизована, Калачева. В счет двух тысяч. Будешь строить метро. Это для комсомолки большая честь, Калачева, — строить метро.

У Наташи испуганно сжалось сердце. Батюшки-светы, — под землю лезть! Но, как дисциплинированная, виду не подала.

— Ну что ж, и построим, раз такое дело!

В отеле Наташу очень жалели. А больше всех убивался Жан Степанович, метрдотель, немолодой мужчина, с пробором через всю голову, а взгляд, томный и преданный, как у домашней собаки. В Наташу — слегка влюблен.

— Такой клад зарывают в землю! Да ведь с вашей внешностью вы, Наталия Петровна, могли бы стать заведующей этажом!

Наташа, когда Жан Степанович ушел, даже всплакнула втихомолку. Конечно, строить метро большая честь, правильно сказал товарищ из райкома, но все-таки страшновата эта мобилизация!

Ушла Наташа из отеля в шахту и как сквозь землю провалилась. Ни слуху о ней, ни духу.

Как-то ночью, — звезды были крупные, как антоновские яблоки, — господин Шульман возвращался к себе в отель пешком. Москва спала, раскинув натруженные за день руки — ноги улиц и площадей. Поскрипывал снег под ногами, мороз, озорничая, хватал ледяными пальцами за нос и за уши. Немец шел, не торопясь, в зубах — сигара, в руке — трость.

Вдруг из-за угла навстречу — две девушки. Странные девушки: на головах — цветные береты, на ногах — толстые брезентовые штаны и резиновые сапоги, облепленные застывшей грязью. Идут, напевают что-то, а сами — усталые-преусталые. по походке видно.

Господин Шульман посторонился, дал странным девушкам дорогу. Вдруг одна девушка — к нему.

— Здравствуйте, господин Шульман! Как поживаете?

Немец приподнял шляпу, сказал растерянно:

— Извиняйте... Ми не есть знакомий.

— Наташа я. Из «Бристоля». Неужели не узнали?

Господин Шульман даже попятился.

— О, мой бедный mädchen... Что з вами сделали!.. Какой ужасный брук есть на вас!

— Обыкновенные брезентовые штаны, господин Шульман. Без них под землей нельзя.

— Под земля. О, mein Gott. Такой ангел, — под земля!

Господин Шульман стал моргать глазами, взял Наташу за руку, потащил в сторону. Подружка в голубом берете крикнула ей:

— Наташка, скорей управляйся!

— Я думаль о вас, я не забываль вас, — сказал Наташе немец, страшно волнуясь, — я буду спасайт вас... Ми поедем Берлин... Мой mutter... мамочка имейт большой крисо... Крисоморний дело. Она töten... убивайте мышь и таракан... Я буду получайт der Erbe... Наследство... Будем жить как zwei голюбчики.

Тут Наташа стала хохотать так, что подружка в голубом берете даже испугалась.

— Наташка, не надорвись!

Господин Шульман засопел, стал перебирать ногами. Отхохотавшись, Наташа сказала:

— А метро кто за меня будет кончать, господин Шульман? Пушкин? Поищите себе другую: может, какая дура и кинется на ваших тараканчиков. До свиданьица, пока!

А дней через пять, в выходной, сидя вечером в ресторане отеля «Бристоль» господин Шульман увидел за соседним столиком Наташу с каким-то блондином в синем пиджаке и сером модном галстуке. Наташа сидела к немцу спиной. Узнав ее золотой затылок, господин Шульман удивился не меньше, чем тогда, ночью, на снегу.

Перед их столиком, склонив набриалиненный пробор, стоял Жан Степанович, почтительно слушал Наташину веселую скороговорку.

— А это мой муж, — говорила Наташа, сияя разными глазами, — познакомьтесь, Жан Степанович. Он тоже в метро работает. Он наш лучший проходчик, Жан Степанович. Его портрет в газете напечатан, Жан Степанович. Он тысячу рублей в месяц вырабатывает, а работаем мы в одной шахте, Жан Степанович, наша шахта самая боевая, Жан Степанович, мы впереди всех идем.

Передохнув, Наташа продолжала:

— А знаете, кого я на-днях встретила, Жан Степанович? Немца из девятнадцатого номера! Пожалел, что я в спецовке была, даже заплакал, — такой дурак! Предлагал выходить замуж за него и ехать с ним в Берлин каких-то тараканов морить с его мамашей. Я смеялась, чуть не лопнула.

— У них свои понятия, — рассудительно сказал метрдотель и прибавил: — Шницелек сейчас подавать, или сначала потанцуете?

— Потанцуем сначала, Жан Степанович.

Они встали. Проходчик обнял Наташу за талию, и они пошли ритмичным шагом в круг.

В черном шелковом платьице, веселая и легкая, Наташа была очень, очень хорошенькая.

Господин Шульман шумно вздохнул, отвернулся, сунул сигару в рот не тем концом, ругнулся про себя.

— Сумасшедший страна!

ЛЕОНИД ЛЕНЧ

ПОД ЗЕМЛЕЙ—МИР

С другими видами городского транспорта дело обстоит значительно легче.

Вот, например, в порядке изучения отмирающего быта, вы едете из гостей на извозчике. На ваше счастье извозчик оказывается пьяным, крестится на семафор, принимая его за лик архангела Гавриила, лирически мурлычет о дороговизне овса, а на перекрестке двух безлюдных улиц выявляет кулацкие тенденции и останавливается, как вкопанный. Радостный и веселый, вы возвращаетесь домой пешком и упоенно пишете фельетон. Вы сравниваете извозчика с небоскребом, не в его пользу, конечно, вставляете цитату из Вольтера и Капабланки, императивно утверждаете, что извозчиков нельзя пускать в бесклассовое общество, доказываете, что извозчик как таковой — отсталая техническая единица проклятого прошлого, и фельетон готов. Если же вы молоды и горите жаждой славы, соедините проблему извозчика с джазом и танцующей кассиршей, и фельетон приобретает даже дискуссионный характер.

Еще легче с трамваем. Не мало острых перьев современности завоевало звание тонких психологов и знатоков быта эпохи, описывая стояние на чужих ногах и езду на чужих коленях. Многим светлым умам трамвайные афоризмы в творчестве заменяли даже среднее образование и чтение газет, снабжая популярностью, успехом и авторским гонораром. Даже пригородная дрезина, циркулирующая между двумя дачными полустанками, иногда позволяла талантливым очеркистам писать блестящие дорожные впечатления, похожие на древнюю сагу пополам с буфетным прейскурантом.

Иное дело — метро.

Его уже освоили инженеры, электротехники, водители и с иголочки одетый обслуживающий персонал. Но метро, как плацдарм для будущих фабул фельетонов, злободневных рассказов и карикатур—еще неизведанное поле.

В конце-концов в вагоне метро поедут не одни стопроцентные пролетарии с плакатов. А как поедет вот он, этот унылый мужчина с сивыми усами, который у нас заштампован в карикатурах как носитель бюрократизма. А как будет метаться на перроне та самая советская старушка — этот последний кирпич из полуразрушенного здания обывательского анекдота? А школьник на колбасе? А тот самый советский дачный муж, который от Чехова перенес в наши дни пот и волнение, а от эпохи занял портфель, наполненный консервными коробками и сыром без бумажной тары?

Надо заранее изучить этих испытанных врагов. Надо заранее убедиться, что все они погибнут в обстановке метро и не вылезут наверх, чтобы втиснуться в фельетон, рассказ, карикатуру и не породят новый вид трамвайного юмора.

И вот мы четверо — два фельетониста и два карикатуриста — как лазутчики из сатирического лагеря опустились в метро.

●

Так как четыре человека — это почти что экскурсия, мы выбрали из своей среды руководителя. На его обязанности было об'яснять непонятные явления своими словами.

Около эскалатора он сразу и широко развернул свои возможности.

— Эскалатор, — сказал он, — это — снизу — голая техника, а сверху — ступени. По нему спускаются вниз. Лестница.

— А как на нем будут толкаться? — с профессиональной деловитостью спросил один из карикатуристов. — Вдоль или поперек?

— Чего не знаю, того не знаю. Спросим у обслуживающего персонала.

Дежурный около эскалатора был несколько озадачен нашим вопросом, но пояснил по мере сил и предвидения:

— Толкание не предусмотрено. Каждый становится на ступеньку и едет вниз.

— А который впереди его?

— Едет на своей ступеньке. А который сзади — на своей. А которые и вдвоем. Ступенек много.

— Позвольте, — несколько озадаченно перебил его наш руководитель, — это что-то не так. Неужели не будет толкотни?

— Отменена, — сухо закончил дежурный.

Мы с'ехали вниз. Перед нами была колоссальная мраморная зала, с длинным рядом стоячих ламп-ваз, бросающих ослепительный свет. Мрамор делал на наших глазах все, что ему полагается: он сверкал, переливался и героически напоминал, что сколько бы о него ни терлись, сколько бы вокруг него ни вертелись, он всегда останется таким же прекрасным мрамором.

— Позвольте, а плакаты?— недоумевающе спросил второй карикатурист у дежурного. — Вот эти самые: «Идя в метро, не забудь, что ты в метро», «Находясь под землей, помни, что ты не на земле» и другие?

— Таких не будет, — деловито подтвердил дежурный по перрону. — Здесь вам — не трамвайная остановка. Мрамор.

— Ну, тогда на стенках писать будут,— не сдавался карикатурист. — У нас везде пишут. Любит советский человек писать на стенке!

Мы попробовали мрамор. Даже изысканные любители автографов и нехороших слов, побеждающие неприступность кавказских и крымских скал, ничего не смогут сделать в метро. Метро осужден на чистоту.

— А окурки?

— Курить нельзя.

— Позвольте, а грязь? Обыкновенная честная грязь. Возьмем ботинок как таковой. На подметке грязь и вот...

— Вода. Просто. В два счета.

Слева подходит поезд метро. Перед нами выплыли из тоннеля ярко освещенные сверкающие лаком и стеклами вагоны.

Не будем описывать вагон метро. Скажем просто. Каждому из нас снится иногда, что он молодой, бритый, в хорошем сером костюме, ходит по пляжу, и все местные молодые девушки начинают чувствовать биение собственного сердца. Трамвайные вагоны тоже, наверное, видят сны. Вот заснул такой обшарпанный, незадачливый вагонишко в трамвайном парке и видит сон, будто бы проснулся он утром в три раза увеличенный, широкий, с мягкими кожаными сидениями, весь чудесно застекленный, комфортабельный, с тремя широкими дверьми и стоят около него вагоновожатые и разводят руками:

— И с чего бы это? Неужели настоящий? Вот такой вагон метро.

— Двери открываются просто. Поворачивается вот эта ручка, и все три двери — настежь.

— А закрываются?

— Ручка. Та же.

— А если кто ногой застрянет?

— Вынет ее и все.

На наших глазах погибали еще неродившиеся анекдоты о молочнице, которая застряла с бидоном в дверях. О жене ответственного, которую дверь отхлопнула от мужа и муж умчался на банкет. О человеке, которому автоматическая дверь сняла калошу.

Мы сели в вагон, и поезд мягко в'ехал в тоннель.

— Кончились средние века городского транспорта. Начинается новая история. Пусть феодалки с бидонами и владетельные князья в кепках напирают друг на друга на поверхности земли. Здесь под землей освобожденное человечество будет сидеть на кожаных сиденьях и...

Мы проезжали станцию за станцией. От одного мраморного зала к другому. Из одной гаммы света к другой. От стенных матовых бра к сверкающим на потолках плафонам. От круглых колонн к квадратным. От розового мрамора к серому и от белого к перламутровому.

— Выйдем. Посмотрим на станцию.

Мы вышли на станцию «Комсомольская площадь», перевитую галлереей.

— Представляю себе, — осторожно начал один из карикатуристов, — как к поездам хлынет толпа из вагонов метро и начнет бежать, кто по галлерее, кто вниз, кто...

— И пусть их бегают, — радушно подсказал некто в черном пальто с красными петлицами, — куда ни побегут, все равно через две минуты у выхода будут... Так уж сделано...

Мы поняли, что трамвайный быт похоронен здесь под землей. Злобный анекдот о сутолоке и безалаберщине зарыт на глубине тридцати и больше метров.

Наша разведка возвращалась на землю, в редакцию с хорошими сведениями.

— Осталось одно, — тактично предложил я, — сейчас мы поднимемся наверх, к вокзалам, и бросимся к трамваю или к автобусу. Конечно, толпа. Конечно, давка. Конечно, мы попадем в редакцию только через два часа. Давайте напишем, как мы очутились после метро на земле и как мы не могли попасть к себе в ре... Виноват. это что за автомобили около Октябрьского вокзала.

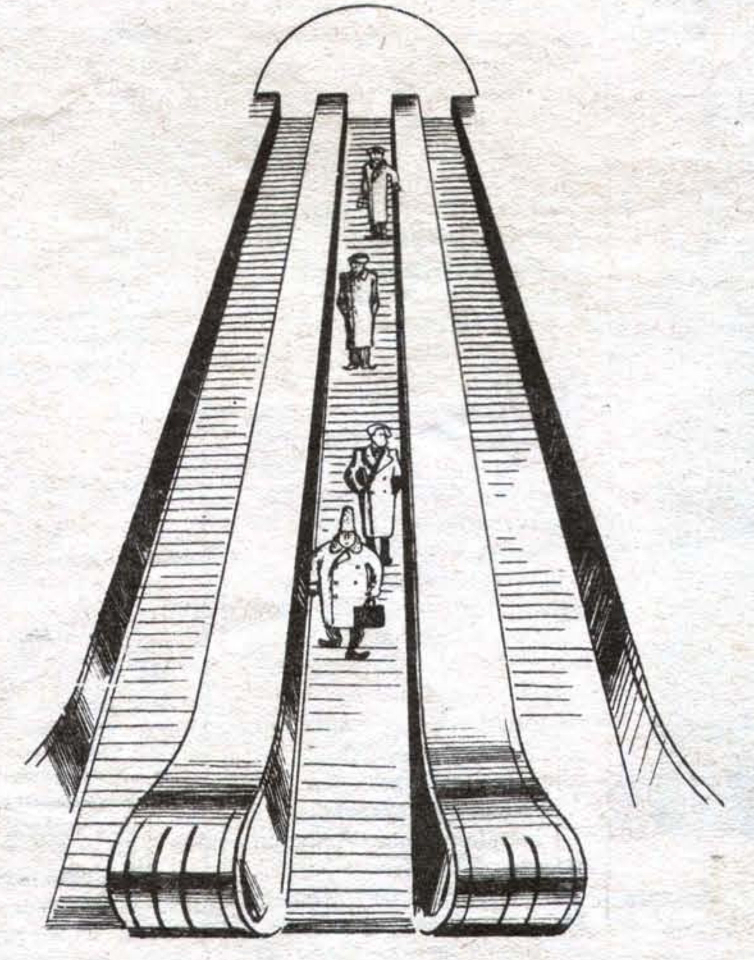
— А это такси.

— Тогда я могу сесть в такси?

— Если тебе нужно не больше одиннадцати сразу, — садись.

Я ехал в редакцию и думал о том, что и наверху на земле что-то неладно. Кажется, трамвайный быт начал подгнивать не только снизу, но и сверху. Спи без мира, пакостный покойник!..

К. ЧЕТВЕРЫХ

ФЕЛЬКИШЕР БЕОБАХТЕР

Наши читатели ежедневно встречают в газетах выдержки из этого органа немецких национал-социалистов, особенно в связи с его последними антисоветскими выступлениями, и скучают, если этих веселых выдержек не видно. Удовлетворяем их законную тягу к веселому чтению и даем целую образцово-показательную страницу из „Фелькишер Беобахтер", со всеми его нюансами, выводами и ароматом.

РЕДАКЦИЯ.

ДВИНЕМСЯ ЖЕ

Берлин, 25 марта.

Каждый народ должен двигаться. Если бы гунны, тевтоны и этруски не двигались в свое время, они бы вымерли и превратились в ассирийцев и эфиопов. Каждая раса имеет своего Аннибала, Гасдрубала, Фермопила и Гибралтара, не считая Юлиев Цезарей. Имеем и мы, но двигаемся ли мы? Нет. Перед нами север и юг, не говоря уже о востоке и западе. На чем мы остановим свой выбор? Ясно, на востоке. Ниже читатель найдет целый ряд статей специалистов по двиганью, посвященных этому вопросу.

ПРОШЛОЕ ЕВРОПЫ

Как известно, Киев исстари был японским городом (Киев, Ки-ов, Ки-о, Ки-о-то-Куkуяма). Древние славяне всегда были японцами, и еще до сих пор можно видеть самураев, ходящих по Украине в пышных зеленых шароварах и голубых папахах. Тарас Бульба был тоже самурай, но перенатурализовался в казака. Из этого следует, что Украина должна принадлежать Японии, но при уступке ей Сибири до Тулы включительно, она, в поисках мира в Европе, может согласиться на передачу Украины Польше.

Таким образом освобождается Польский коридор и к Германии переходит Прибалтика (Литва, Латвия, Эстония, Франция и Турция). Франция всегда была немецкой (Страсбург, Парижбург, Лондонбург, Борнеобург и Цейлонбург). Естественно, возникает проблема: кому должны принадлежать великое княжество Монако и Южная Америка. Но Южная Америка всегда принадлежала Германии (см. постановление об этом министерства пропаганды от 19/II 1935 г.), а что касается Монако, то оно может остаться самостоятельным на предмет сохранения мира в Западной Европе. Этот вопрос уже обсуждался в Варшаве во время недавнего пребывания там немецких политиков. Остается Китай, который механически переходит к Восточной Пруссии, как имеющий с нею естественные границы. В случае отсутствия таковых, их нетрудно провести, особенно при попутном переименовании Австралии из материка в герцогство Мекленбургское.

Как видит читатель, стабилизация мира чрезвычайно легка, если бы не сопротивление отдельных стран и большевистская зараза на Востоке.

Генерал-майор
З. ПФУЛЬЦ фон-ПФУЛЬЦ.

КОШМАРЫ СОВЕТСКОЙ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТИ

Советская женщина-милиционер целует своего сына. Такие жуткие факты наблюдаются в этой несчастной стране на каждом шагу, и только отнятие у Советского союза Крыма, Кавказа и Украины положит предел советской бесчеловечности. Херсон должен быть нашим!

В СТРАШНОЙ МОСКВЕ

РАССКАЗ КАРЛА МЕЙЕРА ФОН-ШПЕЙЕРА

Серафима Акулиновна вымирала. Она ходила голая и не ела.

Ее соседи, родственники и однофамильцы тоже ходили голые и не ели. В Москве большевистские комиссары надевают все сами на себя. Они одновременно надевают валенки, дамские полуботинки, каракулевые сакв, сережки, поповские рясы и кирасы бывших императорских гвардейцев. С'едают все запасы ливерной колбасы и грушевого компота. И выпивают все запасы вина, прованского масла и дождевой воды.

— Мама, мама, — тихо сказала дочка Серафимы Акулиновны, юная Аркадия Елизаветовна, — ты уже почти расстрелянная вдова, тебя не пустят в бесклассовое общество и национализируют. Благослови меня на восстание!

— Благословляю, Аркадочка, — ответила вдова и умерла с радостной душой.

На другой день Аркадия Елизаветовна встретилась с одним иностранцем. Это был благородный ариец с большой бородой, голубыми глазами и честным носом.

— Нет ли у вас, случайно, — прошептала она, — двух-трех тяжелых орудий и парочки броневиков?

— Нет, — ответил благородный иностранец, — это только агенты Коминтерна поджигают рейхстаги, убивают Рема и суют автоматические пистолеты убийцам министра Барту... Мы, честные арийцы, такими делами не занимаемся... Мы не вмешиваемся во внутренние дела других государств...

Разочарованная Аркадия пошла одна устраивать восстание, но по дороге стала вымирать от безнадежности.

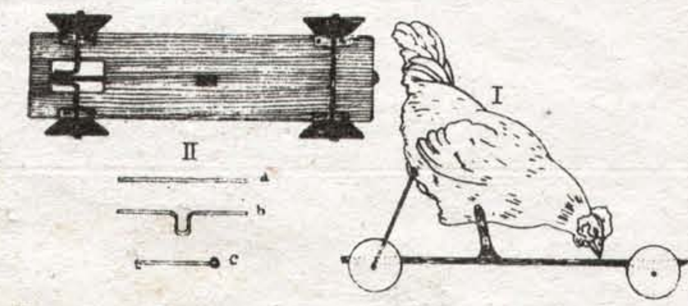
Ее подобрала на улице сердобольная вдова архимандрита, ныне назначенная цыганской певицей. Умирая, Аркадия прошептала:

«Дейчлянд, Дейчлянд юбер аллес!.. Хайль!..»

Пели птички. Они были голые, национализированные и не имели денег, чтобы купить себе пищи.

К. МЕЙЕР фон-ШПЕЙЕР.

ВСЕ ДЛЯ НАЦИИ

Проект механизированной арийской курицы. В пищу не идет и яиц не несет, но может служить показательным образцом для кур иностранных пород. Прислана в редакцию «Фелькишер Беобахтер» в порядке патриотического предложения из Восточной Пруссии.

ТЕАТР И МУЗЫКА

ПЕРЕИМЕНОВАНИЕ

Министерством пропаганды переименована пьеса Шиллера «Коварство и любовь» в «Коварство рейхсвера и любовь к Розенбергу». Тут же переименована «Гейша» в «Араки» и запрещен «Фауст».

ГОРОДСКАЯ ХРОНИКА

НЕИЗВЕСТНЫЙ ТРУП будет найден 27 марта на углу Швульштрассе и Зауфенштрассе. Есть подозрение, что труп принадлежит Ф. Питке, ныне разыскиваемому штурмовым отрядом № 2.

ОТРЯДОМ КОННОЙ ПОЛИЦИИ был вчера произведен обыск в общественной уборной в парке Кунигунды. Ничего подозрительного не обнаружено. Шесть посетителей арестовано.

КУРСЫ БЕЛОШВЕЕК открыты на-днях на Курфюрстендаме. Принимаются только молодые люди мужского пола, призывного возраста, уже умеющие стрелять и владеть пулеметом. Там же открыты заочные курсы велосипедной езды для прохождения артиллерийской подготовки и управления броневиком. Явка для молодых людей, родившихся в 1892—1915 гг., обязательна.

ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ

Господин редактор!

Вчера на Фридрихштрассе меня укусил за ляжку бешеный английский дог, в силу чего я чувствую в себе бешенство чуждой нам расы. Могу ли я после этого попрежнему считать себя членом национал - социалистской партии или мне следует сесть в тюрьму и делать прививки.

Доктор философии
Ф. ГНИДКЕ.

Господин редактор!
Вношу предложение снести статую Мира. Оно — еврей.

Коммерсант **З. ПФУНЦ.**

СПЕЦИАЛЬНЫЕ УРОКИ ДЛЯ ДЕТЕЙ ПОЛЬСКИХ БЕЗРАБОТНЫХ

Штопка носков и ряд других специальных предметов введены в учебную программу одной из народных школ Лодзи (Польша) в целях „заблаговременной подготовки пролетарских детей к нужде и лишениям".

Рис. Ю. Ганфа

— Эти прописи, дети, переписывайте ежедневно, чтобы хорошо запомнить их на всякий случай жизни...

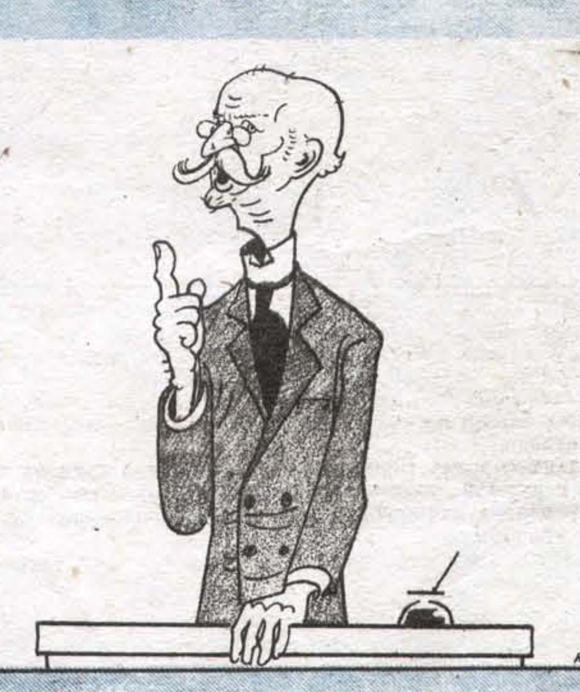
— Вот вам арифметическая задача: разделить кусок хлеба в сто граммов на семью в одиннадцать человек...

— Подвижные игры на воздухе делятся на такие практические упражнения: затягивание поясов, привычка к зною, к дождю и к ветру.

— Гимнастику лучше всего проделывать так, чтобы приучиться протягивать руку ладонью вверх...

— И если вы все это будете проделывать добросовестно и прилежно, то из вас выйдут приличные безработные.

Рис. М. Храпковского

Цудортранс осматривает вновь построенные дороги.

ЗАЯЦ С'ЕЛ КОЗУ

1.

Социальная заказчица влезла в комнату и упрямо остановилась у двери.

Писатель Атакин оторвался от рукописи и не без теплоты посмотрел на молодую посетительницу.

— Чего тебе, Елизавета?

— Папка, напиши сказку! — твердо сказала социальная заказчица и без особого доверия к сообразительности собеседника добавила: — Хорошую.

— А насчет чего сказку?

— Насчет всего. Насчет мамы, насчет зайцев, аэропланов, медведев, бабушки и чтобы не страшно. Напиши.

— Хорошо. Иди-ка сюда...

Когда социальной заказчице стукнуло всего пять лет, когда она — дочь, а кроме того, залезая на колени, сидит на них таким радостным, теплым и мягким комочком, отказать невозможно.

— Действительно, — подумал на другое утро Атакин, — сколько таких Елизавет сидят без сказок. Надо написать. Пойду посоветуюсь, как это делается...

Из длинного списка знакомых гигантов теоретической мысли Атакин выбрал критика Перететина. Последний числил за собой не мало критических опусов о том, какова должна быть подлинная советская сказка. Опусы были большие, с цитатами, с аккуратно расставленными знаками препинания и убедительны. В результате их опубликования никто не решался писать сказок, обескураженный теми барьерами, которые тщательно расставил заботливый Перететин.

В настоящее время Перететин писал большой труд на тему «Быт коня в русской сказке» с подразделами: а) «Сказочные герои и современное машиностроение» и б) «Сказка-складка как помощь техминимуму».

За этой ответственной работой и застал его Атакин.

2.

— Нет, нет и нет, — через полчаса возмущенно и взволнованно доказывал Перететин, — это откат назад, к чистому идеализму. Советский заяц не должен разговаривать.

— Позвольте, дорогой, — защищался Атакин, — это же сказка.

— Мало ли что сказка. Тогда какая же разница, позвольте вас спросить, между мелкобуржуазным зайцем 1892 года и нашим подлинно советским зайцем? Тот разговаривал в сказках на потребу мелкого собственника, а носителем какой социальной идеи вы сделаете разговаривающего зайца в сказке 1935 года?

— Это же заяц. У него уши. Хвост. Идей у него действительно маловато...

— Ну вот видите. Если в сказке начнет разговаривать заяц, значит должен говорить и медведь? Ясно? Если медведь, то почему не может говорить корова?

— Я не собираюсь никого лишать слова.

— И напрасно. Животные не должны разрушающе действовать на психологию ребенка. Допустив корову разговаривать, вы должны точно выявить ее социальное лицо, чтобы ребенок знал, от имени каких групп она разговаривает. И не является ли данная корова носительницей...

— Чего?

— Всего. Вы не можете ручаться за незнакомую корову, раз вы ей развязали язык. Животные в сказке только могут олицетворять. Понятно? Допустим, — лиса. Вы ее незаметно для ребенка делаете идеологом нарождающегося фашизма в скандинавских странах. Волк может промелькнуть в сказке в качестве депутата европейского парламента из промежуточной группы радикальной буржуазии. Медведь...

— А если ребенок заснет?

— Зачем? Предупредите его, что за невнимание к социальным проблемам его можно оставить без обеда. Да никакой нормальный ребенок не будет спать при полноценной, хорошо продуманной сказке. И только без всякой фантастики. К чему эта устарелая техника довоенного периода — эти ковры-самолеты с их отжившим механизмом? Вагонетка сталепрокатного завода, дежурная дрезина на ответственном участке транспорта, наконец, если уж этого требует ваше творческое «я», — небольшой грузовик. Вот те способы передвижения сказочных героев, которые должны

легко улечься в пытливом уме ребенка... Фея на грузовике, — это, если хотите, уже некоторая смычка мира фантастического с миром индивидуальным. Выявите только социальное лицо феи, укажите, что она член профсоюза с 1918 года и не активистка на производстве только потому, что ее не существует. Ребенок сразу согласится с таким толкованием... И насчет концов. Главное, насчет концов.

— Каких? — уныло спросил Атакин.

— Благополучных. Помните, что благополучные концы в литературных произведениях — это рецидив мещанства. Нужно хлопнуть по рукам этих молодых героев, которые женятся на последней странице перед оглавлением и списком опечаток. Надо выжечь этих старичков, которых авторы оставляют благополучно доживать свой век. Пусть женятся наши классовые враги. Пусть доживают старики на развалинах капиталистического мира. Советский старик должен умирать в предисловии. Так и в сказках. Дети не должны привыкать к благополучным концам. Конец должен быть бодрый, но не слащавый.

— Например? Заяц с'ел медведя и, лихо запев, пошел работать на огороде?

— Не совсем так, но вы уже близки к истине. Главное — в оправдании поступков сказочных героев. Довоенная баба-яга просто беспредметно летала в ступе. Куда она летала? Неизвестно! Может быть, владея орудиями производства, она жила на сверхприбыль и летала из-за отсутствия забот и квалификации. Наша баба-яга... Виноват. Героиня нашей сказки должна летать целеустремленно. Вы настаиваете на животных? Хорошо. Я уступаю вам. Допустим, у вас в сказке коза ест репу. Обоснуйте. Оправдайте ее поступки перед малолетним читателем. Докажите ему, что козу и репу связывает не простой инстинкт, а что коза ищет в ней витаминов. Дайте легкое цифровое исчисление необходимых для козьего организма витаминов, и вы увидите, каким внутренним горением засветится ваша сказка... Понятно?

— Слушайте, — обиженно сказал Атакин. — Я не идиот, чтобы не понимать, что нельзя писать для советского ребенка бессмысленных сказок с чертовщиной, с прославлением царей и с мужиками в качестве холопов... Я все понимаю, но то, что вы говорите... Эх!..

Он бросил недокуренную папиросу и, не простившись, ушел домой.

3

Социальная заказчица упрямо стояла у дверей и ждала.

— Написал сказку, папуля?

— Написал, Елизавета. Слушай.

Атакин вынул из стола свежую рукопись и стал читать:

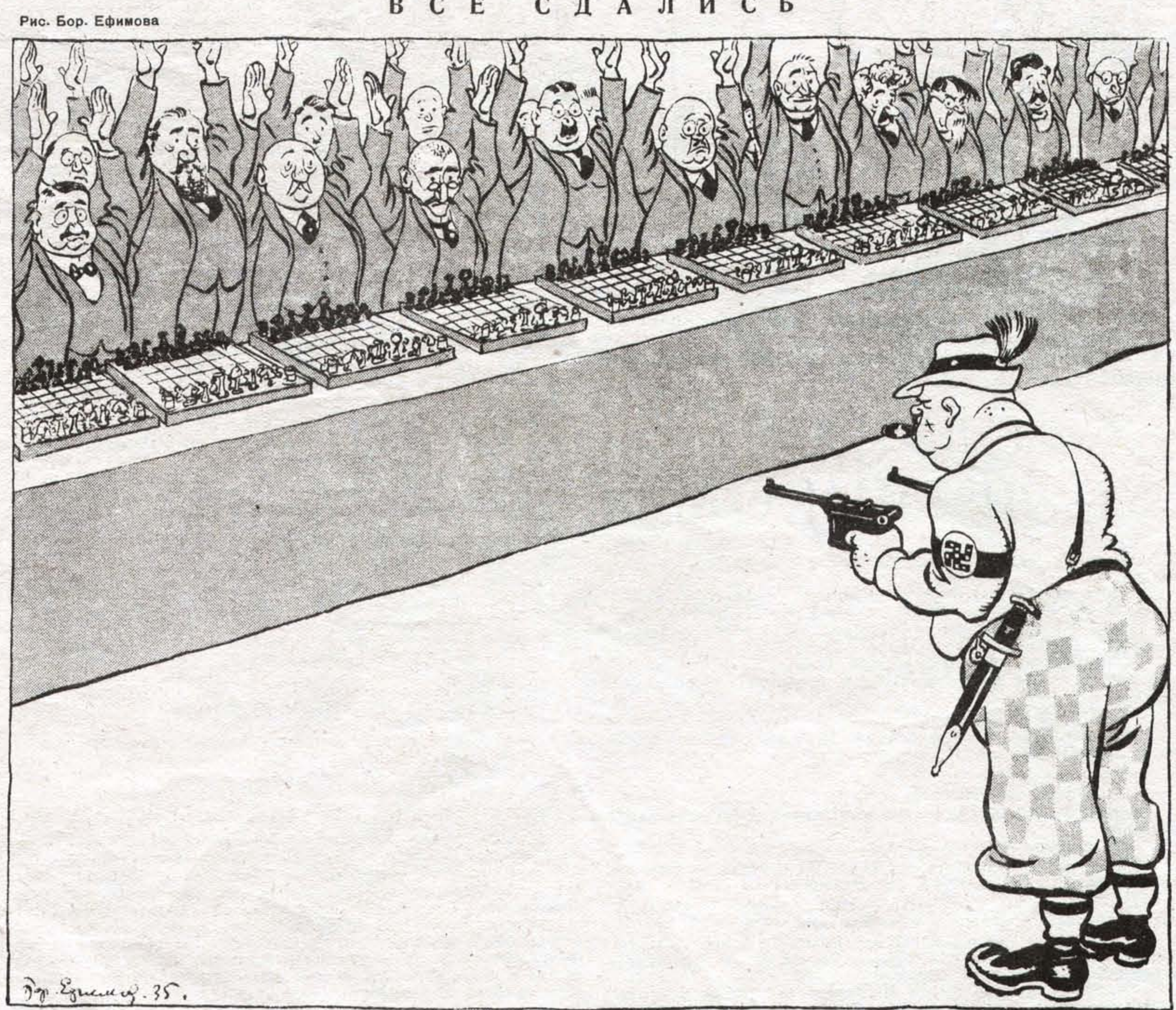
«В дремучем лесу, оставшемся от лесосплава в виду недоподачи гужевого транспорта, жила одна фея, которой вообще не было. И коза. Фея ездила на дрезине уплачивать профвзносы. А коза жрала витамины. 1,5% на завтрак и 7,04% на ужин. В лесу жили разные звери, а так как они говорить не умеют, они между собой переписывались. И никто из них не летал, а просто они жили в норах и олицетворяли банковский кризис в индустриально отсталых странах. Однажды пришел заяц с резко очерченным социальным лицом и с'ел козу, чтобы не было благополучного конца. Я там был, мед-пиво пил. По усам оно не текло, так как лес был очень культурный и все брились. Все...» Хорошо?

— Очень, — тихо сказала социальная заказчица и заплакала.

Арк. БУХОВ

ВСЕ СДАЛИСЬ

Рис. Бор. Ефимова

Блестящая победа вновь назначенного шахматного чемпиона Германии Карльса.

Рис. Л. Сойфертиса

— Был я вот на кинофестивале. Барышень сколько...
— Пустили тебя?
— А чего не пустить: разве я актер какой или киноработник.

СЛУЧАЙ С ЛЕТЧИКОМ

Поезд на станцию Осиноватая пришел с опозданием на пять часов.

Еще в пути Федор Плывун нервничал. Нелестно отзывался о паровозе и машинисте. «Прямо не поезд, а отсталая черепаха».

Старик проводник, мягко улыбаясь, чесал свою реденькую бородку и успокаивал раздраженного пассажира:

— Вы, молодой товарищ, впервой, видать, по этой ветке путешествуете. А я по ней легаю туда и обратно, почитай, уже седьмой год.

— От души вас поздравляю.

— Спасибо. Так вот седьмой год... И ни разу не было, чтобы поезд пришел во-время.

— А в чем дело?

— А потому что транспорт...

Старик проникновенно глянул на Плывуна и нравоучительно произнес:

— Транспорт — узкое место.

На Осиноватую приехал под вечер. На станции не было ни одной подводы из Воробьевки. Как добраться?

Погода неплохая. Пути всего шесть километров. Вещей с собой почти никаких. Можно и пешечком двинуться.

Дорога тоже неплохая. Мимо водокачки пойти к буграм. Затем дойти до лесочка и повернуть. Справа будет Колдобинск, районный центр. А слева Воробьевка.

Плывун закурил и пошел. Интересно, как теперь выглядит Воробьевка? Семь лет, как Федор не видал своей деревни. Служба в Красной армии, командная школа, затем воздушная академия. Вот только теперь урвал несколько дней, чтобы повидаться с родными.

Из-за бугров сначала отдельными кусками, похожими на лохмотья, затем огромными черными покрывалами поплыли тучи. Начало быстро темнеть. Плывун прибавил шагу.

Вот и лесочек, куда когда-то Федор с ребятами ходил за грибами и ягодами.

Миновав лесочек, Федор вышел к картофельным полям. Уже совсем стемнело. Вдали замерцали огоньки.

Воробьевка! Федор заволновался, приближаясь к родной деревне. Луг. По стогам прыгают вороны. Огороды с наивными чучелами. Федор поднялся на холмик. Посмотрел и сразу понял, что сбился с дороги, заблудился.

Он подошел к первой окраинной улице. Так и есть. Спутал в темноте. Попал в город, в Колдобинск. Как же это так? Надо было ему за лесом влево взять. А он, вероятно, пошел вправо.

Надо поворачивать оглобли. Плывун пошел назад. Но только отошел он шагов пятьдесят, как начал накрапывать дождик. В темноте весело и задорно блеснула молния.

Вот незадача! А от Колдобинска до Воробьевки больше часу ходьбы. Нет, сегодня уже не попасть ему в деревню. Придется где-нибудь заночевать в Колдобинске. «Вынужденная посадка»...

Плывун решительно повернул назад.

Он шел по Колдобинску и удивлялся. Какой это был когда-то паршивый, захудалый городишко! Теперь электричество, словно в большом городе. Тротуары новые. Дома приличные. Опять же и люди одеты не плохо.

Вот клуб. Светло. Чисто. Музыка играет. Ай да Колдобинск! Плывун вспомнил недавнее прошлое этого городишки. Грязь. Болото. Тьма по вечерам. Свиньи на улицах.

Ишь ты! И на велосипедах катаются по вечерам. И сколько тут велосипедистов. Из раскрытых окон некоторых квартир несется музыка патефонов. Когда уж Воробьевка так заживет!..

Он остановил какого-то парня и спросил, где здесь можно заночевать приезжему человеку.

— А вот прямо за углом, второй дом. Там вывеска — «Дом для приезжающих».

Колдобинский гранд-отель не особенно понравился Плывуну. Для деревни — еще ничего, но для города слабовато. Всего одна комната. Правда, чисто. И кормят не плохо — хлеб, молоко, масло.

В комнате оказался еще один приезжий. Плывун разделся, лег в кровать и завел с ним разговор.

— Я на несколько дней в Воробьевку, — сказал тот. — Работаю в областном центре, в кооперации. В Воробьевке я часто бываю. Скажу я вам, — замечательное село! Изменилось до неузнаваемости.

— До неузнаваемости? Это уж вы преувеличиваете.

— Ничего не преувеличиваю. Тротуары, водопровод, электричество. Театр. Кино. Новые улицы.

— Что вы говорите! Не думал. Но все-таки до Колдобинска Воробьевке еще далеко, надо полагать?

— Не так уж далеко. Через год-два догонит. Воробьевский колхоз — один из самых крепких в районе. Хорошие ребята подобрались в правлении.

Кооператор поднялся.

— Ну, вы отдыхайте. А я пойду в кино. Посмотрю, какая теперь в Воробьевке новая картина.

— В Воробьевке? Да ведь туда больше часу ходьбы.

— До кино? Три минуты.

— Не понимаю. Вы куда собираетесь итти?

— В кино.

— В какое кино?

— Тут одно кино в Воробьевке.

— А в Колдобинске нет кино?

— И в Колдобинске есть. Но зачем я туда пойду ночью, когда тут в Воробьевке хорошее кино.

— Ничего не понимаю.

— И я не понимаю.

— Где мы с вами находимся?

— В заезжем доме.

— В каком, где?

— То-есть, как где? Я ничего не понимаю.

— И я не понимаю.

— Как называется та местность, где мы с вами находимся?

— Воробьевка.

— Воробьевка?

— А вы думали, — Сан-Франциско?

. . . .

О таком случае рассказал на Всесоюзном с'езде колхозников-ударников тов. Коротков из Чувашской республики.

— Посмотрите, товарищи, что произошло за последние пять лет, в частности, после речи товарища Сталина на Первом с'езде колхозников. Деревня стала неузнаваемой. Достаточно привести следующий факт. Один наш красноармеец, ныне летчик, который не был в деревне всего пять лет, приехал недавно в отпуск на станцию Позна, подошел вечером к своей деревне, посмотрел на нее и не узнал ее... А он жил здесь 22 года! Он ушел в другую деревню. Это — факт, товарищи...

Г. РЫКЛИН

ЧУДЕСА ПОДВОДНОГО МИРА

Рис. К. Ротова

Насколько нам известно, эпроновцы решили окончательно очистить морское дно от всяких ценных вещей и с успехом выполняют свое решение. Наш рисунок изображает тот момент, когда перед эпроновцами останется чистое дно, и они начнут приводить его в порядок.

НЕДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЙ ЮМОР

Мы — не очевидцы. Мы только скромные истолкователи этого малозагадочного, но достаточно оригинального события.

А вот и оно само в точной газетной передаче:

> «В Люблинах (Польша) сильно пошатнулись дела омнибусной компании. Чтобы привлечь клиентов, омнибусная компания наняла в качестве кондукторов многих известных в городе юмористов.
>
> Теперь на омнибусах можно прочесть такие красочные афиши: «Долой кризис! Садитесь в этот вагон! Если вы еще не слышали самых последних острот, садитесь в этот вагон! Наш кондуктор рассмешит вас! Долой кризис!»

Итак...

Почтовый чиновник пан Пшецкий и пани Владислава собрались к вдове Ципурской. Вдова жила на окраине, при огороде, и поэтому владела собственным луком и сельдереем. В дни кризиса это делало ее зажиточной и заманчивой знакомой. Кроме этого, вдова по случаю перекупила у соседа коровьи кишки, приготовила из них суп, два жарких, зелень и сладкое. Это обещало пир почти в довоенном масштабе, и пан Пшецкий весело шагал с пани Владиславой, предвкушая вловьи кишки и собственные патриотические высказывания за столом об угрозах с красного Востока.

— Мне кажется, — интригующе заметила пани Владислава, шурша лодзинскими чулками, — сегодня мы бы могли поехать на автобусе. Я уже два месяца присматриваюсь к этому виду передвижений и нахожу, что оно очень эффектно.

— Мы, дворяне, привыкли ездить в каретах, — уклончиво ответил пан Пшецкий и добавил, — с большим гербом. Мой дедушка жил в деревне, в поместьи, но если ему надо было дать по морде своему управляющему, который жил в соседнем лесу, дедушка садился в карету, в'езжал в мелкий кустарник, выходил, показывал управляющему на герб и бил его сверху вниз. В последний раз я сам ездил в тюремной карете в 1927 году за неуплату собачьего налога в пользу города.

— А вот и автобусы, — упрямо вставила пани Владислава,— зеленые, и никакой толкотни. Как в высшем свете.

На большой площади действительно стояло одиннадцать пустых автобусов, окруженных унылой толпой.

— А вот ко мне, а вот ко мне! — надрывался кондуктор ближайшего автобуса, в рыжем парике и с налепленным носом. — Лучшие анекдоты в городе! «Приходят два еврея в костел...»

— Слышали! — закричали из толпы. — Давай новый!

— Самый последний анекдот! «Приезжает немецкий министр пропаганды в Варшаву, — начал второй кондуктор, подмигнув левым глазом, — а в это время...» Прошу садиться. Продолжение в автобусе. Прошу, прошу...

Воздух наполнился зазываниями кондукторов.

— Внимание! «Один молодой чиновник ел шницель...»

— Врешь! Чиновники не едят шницелей. Дорого.

— Разрешите рассказать. «У одного крестьянина была корова...»

— Старый! Когда у крестьян коровы были? Опомнись!

— Веселая история из жизни мануфактуры. «У одного профессора украли две пары брюк...»

— Наш профессор?

— Наш.

— Врешь. Не бывает у профессоров двух пар. Рассказывай за границей.

— А вот! А вот! Только в моем автобусе! «Две провинциальные дамочки купили рыжую собаку...»

— И с'ели? Читали. Сегодня в газетах было. Давай новый.

— А вот пикантное приключение на почве японо-польского соглашения. «Один банкир купил курицу...»

— Знаем. А потом банк лопнул? Давай новый...

— Новый хозяйственный анекдот! Только для пассажиров моего автобуса. «Одна старушка сварила кисель из лопухов...»

— Виноват, — неожиданно вмешался пан Пшецкий, — это уже становится интересным. Лопухи это, наверное, очень недорого и вкусно. И хороший навар получается?

— Прекрасный. «Сварила старушка кисель...»

— На чистой воде? Очень дешево.

— Совсем на чистой, пан. «Вот сварила она кисель...» Прошу садиться, расскажу по дороге...

— Ты меня уговорила, — шепнул пан Пшецкий пани Владиславе, — садись в автобус. Впрочем, сначала сяду я...

Он уже занес ногу на подножку, потом остановился, поправил заштопанный галстук и решительно сказал жене:

— Пойдем. Четыре километра не так уже страшно и пешком. Прекрасная прогулка.

— Пани... Прелестная пани, — жалобно спросил кондуктор-юморист, спрыгнув с автобуса, — почему же вы не садитесь?

— По трем причинам, — всхлипнув, но с достоинством ответила пани Владислава. — Во-первых, мой муж — старый дворянин и ездит только в каретах, во-вторых, у вас скучные анекдоты, а в-третьих, у нас есть деньги только... на пешком.

— Жаль, — вздохнул юморист, — а я думал в дороге разговориться насчет киселя из лопухов. Действительно может быть это вкусно. Тем более, что я получаю проценты с пассажиров и уже два дня, как не обедал...

А. ПОЛУЗАЙЦЕВ

НА БЕРЛИНСКОЙ ПРЕМЬЕРЕ

Рис. А. Радакова

— Сударь, сейчас поднимается занавес. Я вас в последний раз прошу пересесть на свое место согласно купленному билету.

ХОРОШАЯ ПАМЯТЬ

Рис. Л. Генча

— Бабуля, а ты, наверное, еще французов помнишь?..

— Как же, как же. Дай бог память. Да в девятьсот тридцать четвертом году у нас Лядумег на стадионе бегал.

Рис. Ю. Ганфа

— Как медленно у нас в Лондоне тянется время от завтрака до обеда: завтракал я вчера, а обедать, может быть, придется только завтра.

ДОРОГОЙ КРОКОДИЛ!

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Дорогой Крокодил!

Если тебе потребуется какая-нибудь сложная машина или аппарат, напиши в Челябинск. Тысячи вещей из стали, меди и чугуна делаются у нас и около нас. А пока разреши авансом попросить у тебя: не можешь ли ты выслать нам хоть немного обыкновенных стальных перьев и еще более обыкновенных иголок для швейных машин. Не думай, что это для личного пользования. Это для музея. Пусть наши работнички товаропроводящей сети убедятся, что такие вещи существуют в природе и очень полезны в быту. Ни они, ни мы уже давно их не видели.

ФРОЛОВ.

Челябинск.

Дорогой Крокодил!

Уже четвертый год я хожу в чужих калошах и все из-за того, что в 1931 г. у меня сломались буквы, а теперь их нигде не делают. Неужели так трудно из обрезков жести наделать букв и продавать их тем, кто хочет ходить в собственных калошах, а не в обменянных с соседями или сослуживцами. Дорогой Крокодил, подтолкни!

М. ЯКОВЛЕВ.

Москва.

Дорогой Крокодил!

К нам в село Аменцево приехала труппа из Москвы. Ставили «Камеру пыток». Естественно, что все хотели попасть на спектакль, а особенно ребята до 15 лет, которых не пускали. Желая сократить наплыв юных зрителей, наш председатель сельсовета Ксенофонтов велел их (а мороз был около 25 градусов) полить водой из пожарного гидропульта. Ребята, конечно, не выдержали и разбежались. Теперь спрашивается, что будет делать такой Ксенофонтов, если к нам приедет Художественный театр и наплыв зрителей будет еще больше?

А. ЛУНЬКОВ.

с. Аменцево,
Нарофоминский район.

Дорогой Крокодил!

У нас в школе имени Фритиофа Нансена очень много часов. Часы висят всюду: в коридорах, в классах, на лестнице.

Всего в нашей школе 27 пар часов, не считая тех, которые привешаны над балконом. Эти часы не в счет, так как на них не видно времени. Надо отбежать на значительное расстояние, тогда видно который час.

Имеются часы и в столовой. На обед школьникам отведено определенное время. За 15 минут можно все с'есть, но беда в том, что в нашей школе нет вилок и ножей. Говорят, что нет денег на их покупку.

За обедом я режу мясо ложкой и поглядываю на часы. Я думаю, правильно сделал наш директор, что повесил часы в столовой, в коридорах, на улице и даже над балконом. Но в классах можно не вешать часов (к тому же они очень отвлекают наше внимание), а на эти деньги купить нам вилок и ножей.

Ученик 1-й школы Фрунзенского района АНДРЕЙ ГОГИН.

Москва.

Дорогой Крокодил!

«Грузконсерв» захотел щегольнуть новыми пословицами на этикетках консервных банок. Но так как совсем новых под рукой, очевидно, не оказалось, то на очередной этикетке появилась следующая подправленная пословица: «Работе — время, учебе — час». Я думаю, что такие пословицы на консервных банках не помогают ни яблокам, находящимся внутри, ни правильному отношению к учебе. И вообще лучше будет, если «Грузконсерв» займется изготовлением новых видов консервов, а не пословиц.

И. МАКАРОВ.

Сталинабад.

Дорогой Крокодил!

Разреши мне в порядке обмена опытом известить тебя, что обычай упаковывать мануфактуру в тюки и ящики уже устарел. Рационализацию в этой области провела в жизнь московская выходная база Союзтрикотажсбыта, которая отправила в Ленинград очередную партию чулок, фуфаек и белья в бочках из-под селедок. Трикотаж из-за обилия осевшей на нем рыбной чешуи в продажу не поступил, но надо же что-нибудь предпринять, чтобы в следующий раз галстуки не пришли в бутылках, а носки — в бидонах.

И. ИВАНОВ.

Ленинград.

ПРОСТАЯ АРИФМЕТИКА

Рис. Л. Генча

— Почем яблоки?
— Тридцать и сорок копеек.
— А какие стоят сорок?
— Те, которые возьмете...

Дорогой Крокодил!

Я теперь понимаю, что означает выражение: тяжелый хлеб. На-днях мой сосед купил у себя в ст. Усть-Лабинской, в магазине № 5, два кило хлеба, а в нем оказался кусок кирпича весом в 30 граммов. Теперь приходится покупать хлеб не на вкус, а на звук, постучав им о прилавок: если внутри ничего нет, берем, а если звук подозрительный, — сейчас же заведующего зовем.

Н. КОТОВ.

Ст. Усть-Лабинская.

Дорогой Крокодил!

У нас в Мариуполе есть высшая агрошкола, а у агрошколы есть автомобиль. Для автомобиля, как известно, полагается гараж, а так как в данном случае его не имеется, то автомобиль на ночь при помощи особого приспособления вкатывается в помещение агрошколы. Какие от этого проистекают последствия, ты понимаешь сам. Теперь мы в панике: а вдруг наша администрация купит коров и не построит хлева, — в какой из аудиторий коровы будут ночевать?

А. МЕЛЬНИКОВ.

Мариуполь.

Дорогой Крокодил!

В нашем кинотеатре, помимо демонстрации картин часто даются гастроли цирковых артистов. Вначале эти гастроли имели даже шумный успех. Тем более, что на афишах мелькали новые и новые номера.

Выступали «3—Александра—3». За ними — «Братья Михайловы», затем — «5—Келли—5».

Потом гастролеры сразу перестали нравиться. Выяснилось, что каждый день выступали одни и те же унылые халтурщики, только под разными названиями.

Не находишь ли ты, дорогой Крокодил, что со стороны заведующего театром Тишкова было бы честнее, извещая публику об очередной халтуре, писать в афише просто и коротко:

Сегодня: «Тех же щей, да погуще влей».

А. БАГАЕВ.

Абакан, Хакасск. обл.

ОСОБЫЙ ОТДЕЛ

НА ЗЕМЛЕ МИР И ХУЛИГАНСТВУ БЛАГОВОЛЕНИЕ

Что может быть отвратительнее хулиганства взрослого человека в детдоме?

Несколько иного мнения т. Мухин, зам. прокурора Туринского района, Свердловской области.

Он полагает, что за это достаточно одной дисциплинарной ответственности. Вот акт, полный христианского всепрощения и кротости, подписанный упомянутым т. Мухиным:

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

1935 года января 5 дня зам. прокурора Туринского р-на **Мухин** сего числа, рассмотрев дело по обвинению работников Усениновского д/дома, нашел: что зав д/дома **Топорков,** будучи в пьяном виде, совместно с завхозом зашел в караульную будку к сторожу **Фролову,** где распивали вино и впоследствии учинили дебош: **Топорков** ткнул шилом сторожа **Фролова** в коленко ноги, выбил окна и т. д.

За что завхоз Фролов с работы снят, а потому постановил: в отношении зав. д/дома **Топоркова** привлечь к дисциплинарной ответственности через Туринский Районо.

О результатах сообщить мне.

За прокурора **Мухин.**

Недостает еще одной приписки:

«А за разбитие стекол выразить гр. Фролову общественное порицание от имени стекольной промышленности».

ПОЖАРНЫЕ МЕРЫ

В Сталинграде местных пожарных потянуло на мясо. Притом не на приготовленное с луком и подливкой, а сырое. По сообщениям местных газет,

на Клинцовском колхозном базаре разрубкой мяса ведает представитель пожарной команды, который берет за это с колхозников сколько захочет. На Карасевском базаре мясо взвешивает пожарная дружина и берет с 16 кг по 3 рубля и 1 р. за кило сливочного масла.

Если работники дыма и пламени мирятся на таких скромных суммах, что же будет, когда мясо начнут взвешивать и рубить, например, местные работники транспорта? Не иначе как придется платить за корову из расчета километров, которые она прошла по пути на базар.

„КИНА"

Самой оригинальной фразой почтил недавний юбилей советского кино московский журнал «Театральная декада». В № 3 вся подборка статей о кино озаглавлена так:

15 ЛЕТ СОВЕТСКОГО КИНА

Именно, как пели в свое время одесские куплетисты:

«И в театру и в кине веселился я вполне».

Но журнальных заголовков они все же не писали. И хорошо делали!

ПОРТ И СИТРО

Каждой организации хочется пожить зажиточной жизнью. И это не плохо. Но иногда зажиточность начинает приобретать пугающие формы и масштабы.

Так, например, Гагринский порт истратил все свои оборотные суммы

на приобретение двух мельниц и одного фруктового завода.

Собственный фруктовый завод — это звучит гордо. Но почему же тогда уже не размахнуться шире и не приобрести прямо-таки необходимый для каждого порта скелет мамонта и галстучную мастерскую?

„ТИГРЫЙ ФРАТ"

В Дагестанском педагогическом институте подготовляют будущих педагогов.

Будущие педагоги подготовляются, а пока что пишут сочинения таким стилем:

«В Вовелоне, где протекает тигрый фрат и возникает культура, который дошло до нашей эры».

Нас не так интересует, каким образом Вавилон превратился в Вовелоны, а реки Тигр и Евфрат в неистового Фрата, сколько другое: каким образом студенты, пишущие таким стилем, превратятся в преподавателей?

ЧЕХОВСКИЕ СТРАНИЧКИ

Кое-кто пытается утверждать, что в Москве нельзя достать сочинений Чехова и что, мол, в этом виновата торгующая сеть. За книготорговую сеть не скажем, но хлеботорговую в этом ни в коем случае обвинять нельзя. Во всяком случае булочную комбината газеты «Известия». Здесь вы, купив по нормальным ценам необходимое вам количество хлеба, получаете в качестве бесплатного приложения один печатный лист рассказов А. П. Чехова. Рассказы чистенько отпечатаны на хорошей бумаге и предназначены Государственным издательством художественной литературы для начинающих читателей. Очевидно, в целях наиболее быстрого продвижения произведений покойного классика к потребителю свежевыпеченный хлеб насущный завертывается в свеженапечатанный хлеб духовный. Этот способ настолько оригинален, что им не вредно было бы заняться заинтересованным организациям.

БИБЛИОТЕЧКА

В городе Аткарске решили культурно обслуживать посетителей единственного во всем Аткарске кино.

Для этой цели была быстро составлена компактная библиотечка из трех книг для чтения в фойе:

1. «Противопожарные правила» 1931 г.
2. «Задачи хлебозаготовительной кампании». 1931 г.
3. «О чем мычит корова».

О содержании последней книжки мы не знаем, но догадываемся. Ясно, о чем может даже корова промычать при таком культобслуживании.

„ИЗДОХНИ ПОЛИТИКЕ"

У Дальросты есть свои редактора. Телеграфисты Владимиро-Александровского райотдела полагают, что этих редакторов недостаточно. Поэтому текст дальростовских телеграмм тщательно корректируется, и газета «За темпы» получила из упомянутого телеграфного отдела очередную дальростовскую телеграмму в следующем виде:

Берлинский корреспондент крупнейшей газеты «Издохни Политике...»

Интересно знать, — не то ли это самое телеграфное отделение, которое когда-то передало телеграмму о прибытии депутата Тома и генерала Лерона в Тулон так:

«Фома и Ерема прибыли в Тулу».

К ВОПРОСУ ОБ УЧЕТЕ КЛОПОВ

Клоп — насекомое мелкое и довольно подвижное. Может быть, этими обстоятельствами об'ясняется тот достойный всяческого сожаления факт, что по сей день не только ничего не сделано по части точного учета клопиного поголовья, но даже не выработаны на сей счет какие-либо более или менее детализированные методологические установки.

Тем более приятно нам констатировать первые успехи, достигнутые на этом благородном и трудном поприще председателем месткома коммунального отдела Березниковского химкомбината тов. Надуткина.

В сводке о проведенной работе по культурно-бытовому обслуживанию трудящихся он с гордостью рапортует:

В доме № 25 и в доме № 12 выведена половина клопов.

Мы не хотели бы отрывать тов. Надуткина от клопоборьбы в тот момент, когда она еще далеко не закончена. Но очень просим его, — когда процент уничтоженных паразитов повысится процентов до 83—87, сообщить нам об этом, приложив к письму свою фотокарточку. Страна должна знать своих героев.

Редактор МИХАИЛ КОЛЬЦОВ. Редколлегия: Л. ГИНЗБУРГ, В. ЕРМИЛОВ, Б. ЛЕВИН, Л. РОВИНСКИЙ Рукописи не возвращаются.
Адрес ред.: Москва, ул. Горького, 48. Тел. 1-80-55; 5-53-48. Прием ежедн. с 1 до 5 час. ● Подписная цена на журн.—1 р. 20 к. в м. ● Изд-во ЦК ВКП(б) „ПРАВДА"
Москва. Изд. № 183. Сдача текста и рисунков 16/II-35 г. Подпись к печати—2/III-35 г. Статформат А9—220×333 Печатных листов 3. Количество знаков в 1 печ. листе 120.000
Уполномоч. Главлита № Б—1790. 3-я ф-ка Детской Книги ОГИЗ РСФСР Треста „Полиграфкнига", Москва, Сущ. вал, 49. Зак. № 88. Тир. 300.000

ОСНОВНАЯ ПРИЧИНА

Рис. английской художницы Пирль Байндер

— Поверите, Кетти, я никак не могу угнаться за модами.
— Неужели вы так часто меняете свои туалеты?
— Что вы! Я каждый день шью их.